

МИХАИЛ ЛОБАНОВ

ОПЛОТ РУССКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Наши враги торжествуют, считая, что народ не может уже сопротивляться, что в происходящей духовно-психологической войне не обеспечен защитой со стороны своей неорганизованной, нестойкой “элиты”, и вот при таком нагнетании безнадежности нашего русского положения, вопреки всему – налицо удивительные примеры нашей же национальной несокрушимости в борьбе. Такова, например, патриотическая деятельность известного ученого и писателя Олега Анатольевича Платонова, создателя “Института русской цивилизации”, издателя “Большой энциклопедии русского народа” с такими сериями, как “Русская цивилизация”, “Русское сопротивление”, “Терновый венец России”. Вышло уже больше сотни книг, “отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения” (как сказано в предисловии “Русской цивилизации”); героический, жертвенный путь России в борьбе за свою независимость, православную веру. Поражает объемность работы – то, что может сделать один человек с коллективом единомышленников, воодушевленный великой идеей, кровно причастный к судьбе Родины, оказавшейся в невыносимой беде. Опубликовано собрание трудов самого Олега Платонова, в том числе и его “Русская цивилизация. История и идеология русского народа” (М., 2010).

В свое время выдающийся русский критик, мыслитель, поэт, идеолог почвенничества Аполлон Григорьев именовал человечество человечиною, подчеркивая приоритет народа, народов, без которых человечество есть не что иное, как некое отвлеченное понятие. Тогда же, в XIX веке социолог и естествоиспытатель Н. Я. Данилевский в своей книге “Россия и Европа” (1871) развил теорию культурно-исторических типов со свойственной каждому типу самобытной цивилизацией. Отмечая агрессивный, враждебный России характер западной цивилизации, автор книги противопоставляет ей формирующуюся со своими духовными ценностями славянскую цивилизацию (при несовместимости, как в случае с Польшей, славянства и латинства). И ядром русской цивилизации всегда называлась нашими церковными деятелями, выдающимися мыслителями, писателями Святая Русь. Так и по признанию создателя “Института русской цивилизации”, вдохновляющим толчком для него послужили беседы с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном, которому и принадлежит идея создания энциклопедии “Святая Русь”.

Наивысший религиозно-культурный подъем Святой Руси (русской цивилизации) О. Платонов относит ко второй половине XIV века до первой половины XVII века – от Сергия Радонежского, Рублева до эпохи Алексея Михайло-

веча. Приезжавших в Москву иностранцев поражала глубокая набожность ее жителей, самого царя. В книге “Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским” говорится: “Усердие всех московитов, больших и малых, к посещению церкви весьма велико, и любовь их к непрерывным большим поклонам и иконам свыше всякого описания, множеством своих молитв они превосходят, быть может, самих святых, и не только простолюдины, бедняки, крестьяне, девицы и малые дети, но и визири, государственные сановники и их жены”. О царе Алексее Михайловиче: “Он стоит от начала обедни до конца с непокрытой головой, как всякий другой человек, и непрестанно кладет поклоны перед иконой святого того дня, ударяя челом о землю с плачем и рыданием”. Восточные гости приняли участие в богослужении и, не видевшие, не испытывавшие ничего подобного у себя на родине, закончили полным удивления выводом: “Мы вышли от обедни в этот день незадолго до заката солнца. Нам не верилось, что мы добрались до своего монастыря, до своих теплых келий; мы умирали от усталости и стояния на ногах в сильный холод, бывший в тот день. Но за всё нас утешило виденное нами в этот день, воскресенье Сыропуста, постоянство этого народа в выстаивании на железном полу с утра до вечера”.

Но такая молитвенная стойкость не превращала государство в монастырь. При великой созидательной роли Православной Церкви государство Российское крепло и расширялось. “Тишайший царь” отправляется отвоевывать у поляков Смоленск. Поход на шведов. Воссоединение Малороссии с Россией (1653). Экспедиция Дежнева к Северному Ледовитому океану. Поход отряда Хабарова по Амуру. Строительство великолепных храмов, палат, знаменитого царского дворца в Коломенском, под Москвой. Со второй половины XVII века, по словам О. Платонова, намечается кризис этого высшего религиозного подъема русской цивилизации. Церковный раскол. Разин. При Петре московское царство с выходом на европейскую арену преобразовывается в империю, хотя и с ослабленной после утраты патриаршества Церковью, но с неизменной опорой на православие. Катастрофичность русской жизни с ее взлетами и падениями не разрушает живущей в ней Святой Руси. Даже в разгромное для Церкви время она свидетельствует о себе. Когда умер (1925) патриарх Тихон и когда мимо его гроба тек поток людей, художник Корин был поражен духовной силой, красотой многих лиц и потом, встретившись с этими людьми, изобразил их на своей картине “Уходящая Русь”. Поразили эти русские православные люди силою своего духовного характера и американцев, когда в Америке была выставлена картина Корина. Но, как показало время, та казавшаяся уходящей Русь не ушла, извечно взывала она и взывает к себе в нашем народе, как Богом данная религиозная, жизненная задача. И разве не говорит об этом неприятие русским народом всего того несправедливого, попирающего правду, справедливость, “душу живу”, неприятие всего того, что навязывают нам жестокосердые силы, поменявшие Бога на золотого тельца и власть тьмы?

Однако что же такое русская цивилизация в сопоставлении с цивилизацией европейской? Славянофил Юрий Самарин в статье “По поводу мнения “Русского вестника” о занятиях философией, о народных началах и об отношении их к цивилизации” приводит красноречивый пример того, как русский человек, оказавшись за границей, очаровывается увиденным: шоссе, деревенские дома, крытые черепицей, каждый клочок земли обработан, тщательно огорожен; попутчики учтивы, полиция предупредительна; гостиницы изобилуют комфортом; улицы ярко освещены; в каждом городе много музеев и т. д. “Так вот она цивилизация! И в представлении его в один миг проносятся дорожные ухабы, топкие гати, душные лачуги, грязные гостиницы, необтесанные станочные приставы и вся эта внешняя, знакомая обстановка русской земли. При этом впечатлении он остается и закрепляет его навсегда подсказанным ему словом цивилизация. Очевидно, в этой сфере не может быть и места для противопоставления России как самостоятельной исторической среды Западной Европе. Здесь Россия не является чем-либо по себе, а определяется только по отсутствию в ней или по низшей степени развития этой так называемой общей цивилизации. Но, спрашиваете вы: отчего же русский человек останавливается на первом выводе из внешних впечатлений? Почему бы ему не всмотреться глубже в условия религиозного, политического и семейного быта западных народов? Может быть, тогда бы он открыл вну-

тренние противоречия и неразрешимые вопросы, которыми подтачивается цельность их внутренней жизни и обуславливаются периодические потрясения их основ. Может быть, обратившись к России, он почувствовал бы в ней присутствие других, более широких начал и биение жизни, хотя и не вполне развитой, но живой и крепкой? – Почему? А потому, что русский человек не может углубляться в вопросы и основательно изучать предмет; потому что его к этому не приучают; мало того, потому что на него за это сердятся и советуют ему думать, чувствовать и жить, как так называемые живые люди. И русский человек остается при одном смутном представлении о цивилизации, то есть о какой-то нестройной совокупности всякого рода условий житейского комфорта, накопленных фактических знаний и внешних форм общежития”. В заключение Ю. Самарин спрашивает: “Неужели в чьих-либо глазах Россия действительно имеет значение и силу только как великая европейская держава? Неужели не имеет ни силы, ни значения земля Русская, Святая Русь?” (Юрий Самарин, кн. “Православие и народность”. М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 496–497, с. 500).

В книгах, изданных “Институтом русской цивилизации”, приводятся забытые высказывания отечественных мыслителей о русском народе. Так, в статье “Страсть к поруганию и самоуничтожению”, защищая народ от унижения в “общественной среде”, от обвинений его в “незрелости”, “бессилии народной жизни” и т. д., – стойкий государственный М. Катков, далековатый во многом от славянофилов, здесь по-славянофильски ревностно вступает за народ. “Наш народ из всех известных народов преимущественно отличается силой упора; мы забываем всю нашу историю, мы забываем, каких страшных усилий и какой крови стоили у нас всякие вынужденные повороты в народной жизни. Ни один народ так крепко не отстаивал своей страны, ни один народ не оказывал такого упорства в хранении своего обычая; ни один народ не содержит в себе такой силы охранительного начала, как русский. Менее всего можно упрекнуть русского человека в излишней уступчивости или в излишней податливости. Об этом свидетельствуют миллионы русского люда, подвергавшегося в продолжение веков всевозможным гонениям и козням”. (См. Михаил Катков. “Идеология охранительства”. М.: Институт русской цивилизации, 2009, с. 392.)

Нынешняя “сила упора” русского народа против своих врагов тем более удивительна, что, казалось бы, это уже не тот, не прежний народ, а понесший колоссальные потери в ХХ–ХХI вв. – в войнах, революциях, всякого рода “поворотах народной жизни”, и, несмотря на это, не дает покоя захватчикам. Мыслимое ли дело: его приговорили к смерти, планомерно уничтожают, а у него что-то вроде жалости к своим мучителям. Один из ученых ценителей такой жалостливости даже призвал создавать отряды миссионеров по облегчению страданий, спасению душ несчастных кровососов, приходиться к ним и утешать, дабы не терзались бременем награбленного у народа богатства, у них такая сверхнапряженная жизнь, такие стрессы... Но, как говорил Достоевский (в “Дневнике писателя” за декабрь 1877 года), “за страдание сожалеют, а сожаление так часто идет рядом с презрением”. И не больше ли в русском народе именно презрения, чем даже ненависти, к своим грабителям-безбожникам?

Органичное отвержение культа золотого тельца, маммоны и есть знак непрекращающегося в сознании русского народа бытия Святой Руси. Эта тема разветвляется в объемной книге Олега Платонова “Русское сопротивление. Война с антихристом” (2006), охватывающей полувековой период русской истории через призму личной биографии, в контексте социально-исторических событий, идеологической, духовной борьбы. Автобиографическая канва по ходу повествования вплетается в канву истории русского сознания с “созреванием национального чувства” в юности, в шестидесятые годы; тогда же – осознанием духовной брани двух начал – русского и нерусского”, представленных в журнале “Молодая гвардия”, с одной стороны, и, с другой – “Юность”, “Новый мир”. Сам автор в качестве стимула своего духовного развития называет “увлечение историей”, “тягу к Святой Руси”. Посещение литературных вечеров, дискуссий, где ему доводилось быть свидетелем агрессии русофобов в схватках с патриотами. После защиты диссертации, работая в ЦСУ (Центральном статистическом управлении), затем в Институте труда (70-е – начало 80-х годов), общаясь по долгу службы с сотрудниками акаде-

мических институтов (Институт США и Канады, Институт мировой экономики и международных отношений), Олег Платонов имел возможность составить реальное представление об этих академических институтах с их “системой паразитизма”, “профанацией науки”, с подбором кадров почти исключительно из евреев, с уровнем “корифеев-академиков”, “не превышающим планку бойких журналистов-международников, из среды которых они все поголовно вышли”. Но то было не только сборище бесталанных для науки типов. “В годы перестройки эти институты дали самое большое количество агентов влияния, да и просто шпионов”.

После ядовитых испарений той среды, в которой орудовал “избранный” люд, свежим ветром беспредельных просторов России дохнуло на автора книги, когда он начал свои “восхитительные путешествия” по стране. Сам он пишет об этом так: “Со второй половины 70-х годов мое сознание постоянно будоражило стремление познать Россию. Хотелось сделать это не просто по историческим книгам, которых я к 25 годам проштудировал множество, а наяву, практически самому увидеть и оценить результаты ее духовной и материальной культуры, поклониться православным святыням и достопамятным местам. Еще живы были люди, родившиеся в конце XIX века, часть из которых сохраняла в себе дух русского православного царства”. Ежегодно в течение десяти лет отправлялся он в путешествие (на 2–2,5 месяца), предварительно составив маршрут по старым книгам и путеводителям. “В общей сложности прошел более 3 тысяч километров пешком и 200 тысяч (по счетчику) на машине, сидя за рулем. Чтобы описать все мои путешествия по России, понадобилось бы несколько больших книг, а в этой книге я рассказываю только о некоторых впечатлениях, о моих исканиях и встречах”. И сколько же было открытий в этих хождениях, поездках по России, по ее краям, областям, республикам Советского Союза... Особенно плодотворными, волнующими были первые путешествия в течение четырех лет на Север. “Первое ощущение — чувство тяжелого ранения и в теле, и в душе. По старым картам начала XX века здесь значились густонаселенные села и деревни, стояли прекрасные деревянные храмы. Мы проходили через давно заросшие пепелища с остатками разобранных фундаментов”. Руины церквей, монастырей, масса безымянных могил вокруг, заброшенных лагерей, сотни покинутых деревень и заглохших дорог... Утешает автора то, что осталось здесь, на Севере, “от мировоззрения Святой Руси — в лице православных бабушек”.

Наш путешественник не замыкается в некоей стилизованной Святой Руси, не эстетизирует ее, уходя в старину. Вовсе нет. “Чувство ранения” задевает его и в актуальных вопросах государственного значения.

“Мы вышли из Архангельска и двинулись по дороге, проходившей рядом с заброшенным путем, который в конце 40-х — начале 50-х годов строили по воле Сталина, мечтавшего оживить эту ледяную окраину России. По его мысли, железные дороги должны были связать Архангельск с Норильском, а в дальнейшем пройти через Якутию на Чукотку. Строились большие планы освоить богатейшие ресурсы окраины. После смерти Сталина лысый преемник великого вождя выступил против гигантского имперского проекта, сулившего для России огромные выгоды. Мы двигались вдоль пути несбывшихся мечтаний, проклиная партийных пигмеев, похоронивших этот край”.

Говоря об итоге своих десятилетних путешествий по России, Олег Платонов заключает: “Именно эти путешествия окончательно определили мой путь. Не будь их, я был бы иным и вряд ли написал свои главные книги о русской цивилизации. Путешествия вдохнули в мое исследование “Россия во времени и пространстве” настоящую жизнь, наполнив его богатым фактическим материалом”.

С “перестройкой-революцией”, объявленной иудой Горбачевым, продолженной погромщиком и расстрельщиком Ельциным, последующими назначаемыми временщиками, Россия вступает в тяжелейший период своей истории. Автор глубоко и точно определяет происходящее, как агрессию сатанинских сил “против народа, сохранившего в XX веке хоть какие-то остатки христианской духовности”. Что касается внешних событий, то никакой “перестройки” не было, ее название было ширмой, за которой скрывалась государственная измена и предательство. В реальной жизни не существовало и “реформ”, а их название было камуфляжем, прикрывающим преступные деяния по расхищению народного богатства.

Автор приводит черный список фамилий преступников, врагов русского народа, сыгравших руководящую роль в разрушении нашего государства*. Большинство из них были, разумеется, те самые “избранные”... Но справедливости ради нужно сказать — не только они. Как поведали бабушки на Севере нашему путешественнику, говоря о разрушенной некогда местной церкви, “евреев они не знают, но своих антихристов хватают”.

Митрополит Иоанн (Снычев) в своей статье “Великая лож демократии” писал, что вопреки яростным усилиям “пламенных революционеров-интернационалистов в стране начался неотвратимый возврат в традиционным принципам русской державности. На протяжении всех 75 лет советской власти это, пожалуй, больше всего пугало наших зарубежных недругов... Для того чтобы остановить процесс возвращения России на естественный путь своего исторического развития, и была запущена “перестройка”, настоящая цель которой — заменить исчерпавшую свои разрушительные силы интернационал-коммунистическую доктрину на новую интернационал-демократическую, которая должна довершить разгром исторической России, начатый еще под “доблестным” руководством Троцкого... (Митрополит Иоанн (Снычев), “Самодержавие духа”. Институт русской цивилизации, М., 2007, с. 496). К этому можно добавить, что тот же Троцкий, когда задрожали его колени перед Сталиным, завопил об “отсутствии внутрипартийной демократии”, так что нынешние “демократы” продолжают дело ненавистника, разрушителя России Льва Бронштейна.

И вот в этих смертельных объятиях-тисках “демократии” — троцкистской, “суверенной” и мировой, в объятиях врагов России — внутренних и внешних — наше русское сопротивление призвано выдвигать людей, способных подняться на мировой уровень борьбы со злом. Этому требованию времени отвечает Олег Платонов. То, что он отмечал в себе еще в юности как “тягу к знаниям”, пытливость, обратилось в его дальнейшей жизни в подвижническую многолетнюю работу по исследованию в отечественных и иностранных архивах истории “тайной войны Запада против России”. В зарубежных поездках — по США, странам Латинской Америки, Европы знания его накапливались, углублялись, общались от общения со множеством людей — русскими эмигрантами, общественными деятелями из русских патриотических кругов, со священниками, антиглобалистами, известными борцами против агрессивного американизма, сионизма, за национальную независимость народов.

Из путешествия по Америке Олег Платонов вынес “свое понимание” этой страны как “истинной империи зла с ее духом насилия и культом денег, с традиционной (со времен истребления коренных индейских племен и работорговли) жестокостью и насилием, ставшими “главной чертой национального менталитета американцев”. Вера в универсальную эффективность насилия выражается в систематических войнах против неугодных государств, в образе жизни, в массовой культуре, в физическом, духовном растлении молодежи, в распространении сатанизма, который автор называет “государственной идеологией Америки”. Следуя своему правилу по возможности всё видеть своими глазами, в целях “изучения церкви антихриста” автор с помощью знакомых “конспиративно проникает” в сатанинский храм, где наблюдает ритуал служения сатане с имитацией полового акта жреца с проституткой. Известно, что церковь сатаны в марте 1970 года была принята в Национальный совет церкви США. Посетил автор и другое “сатанинское собрание” в Сан-Франциско под названием “Организация Объединенных Религий”, цель которой создание мировой религии, в которую кроме традиционных религий — христианства, ислама, иудаизма, индуизма, буддизма — включаются различные секты с шаманами, заклинателями духов, ведьмами, колдунами, сатанистами и т. д. Автор пишет: “По замыслу мировой закулисы Организация Объединенных Религий направлена прежде всего против Православия, единственной христианской религии, сумевшей в значительной степени сохранить чистоту Заповедей Христа и активно противостоящей духовному разложению, которое несет иудейско-масонская цивилизация западного мира”. Проект создания этой ми-

* Подробно об этом — книга Олега Платонова “Государственная измена”, М., 2009, в которой автор использует уникальные источники информации и свои личные наблюдения. Известно, чем кончили в 1937–1938 годах отцы и деды нынешних “перестройщиков”, но ведь тогда был Сталин...

ровой церкви антихриста был подготовлен в американской резиденции Фонда Горбачева, располагавшейся в Сан-Франциско. Именно здесь в сентябре 1995 года собрался первый Всемирный форум Фонда Горбачева, на котором иуда-предатель выступил с идеей “глобального мозгового треста” для обеспечения руководства человечеством. На форуме, где были представлены Джордж Буш, Маргарет Тэтчер, Джордж Шульц, другие ратоборцы “за свободу и права человека”, обсуждались проблемы народонаселения, его регулирования, сокращения с помощью религиозных организаций. В резюме форума отмечалось: “Сократите число живущих на 90%, и некому будет наносить серьезный вред экологии”. Главная тема второго форума – “контроль над мировыми религиями – контроль над человечеством”. Так, по словам автора, “мистический смысл разрушительной миссии Горбачева в России получил всемирное продолжение”.

В условиях поразившей мир глобализации с ее антихристианским духом что может значить “Святая Русь” и не архаично ли это звучит для нас в наше время? Когда-то Достоевский писал: “Могуча Русь, и не то еще выносила. Да и не таково назначение и цель ее, чтоб зря повернулась она с вековой своей дороги... Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно, даже и вопросы, и останется в сути своей такою же прежнею, святою нашей Русью... Сколь ни изменился бы, пожалуй, облик ее... Ее назначение столь высоко...” (Достоевский, “Дневник писателя”. М., Институт русской цивилизации, с. 623.) На это можно было бы ответить, что нынешнее время особенное, небывало катастрофическое для народа, с резким сокращением населения, с растлевающим молодежь разгулом идеологии “бери от жизни все, что можешь”, со свободой разврата, с официальным очернением нашего славного исторического периода советской эпохи. И еще то, чему трудно найти прецедент в русской истории (исключение разве лишь – в ереси жидовствующих в конце XV века) – это курс на создание условий не только для физического, морального, духовного деградирования народа, но и для разрушения, изменения самого его менталитета. Так, помощники наших правителей Дворкович и Юргенс, обвиняя русский народ в неспособности включаться в объявленную либералами модернизацию, дают нам пятнадцать лет на исправление, а дальше уж будут решать, что с нами, непутевыми, делать. Упомянутая модернизация, судя по всему, ничего дельного не сулит, а говорильня о ней заставляет вспомнить забавную историю, рассказанную в свое время автором “Писем из Москвы в Нижний Новгород” (начало XIX века) А. И. Муравьевым-Апостолом, отцом декабриста. “Когда в малороссийском шинке прохожий напьетса допьяна, то шинкарь, чтобы заставить своего гостя заплатить вдвое против того, что он выпил, употребляет обыкновенно следующую хитрость: он ставит у изголовья усталого и пьяного козака мальчика, сына своего, который беспрерывно над ухом засыпающего напевает: **полтина! полтина!** – и до того твердит **полтина**, что козак и во сне слышит ее, и, проснувшись, чувствует, что она еще дрожит в ушах его. Он сбирается в путь, спрашивает, сколько должен; ответ шинкаря, разумеется, **полтина**; и так, хотя козак уверен в душе своей, что не мог на столько выпить, но сын шинкаря до того накричал ему голову **полтиною**, что не веря собственному своему убеждению, он платит **полтину** вместо четверти рубля”.

Так по-шинкарски напевают либералы в наши уши (видимо, считая нас за пьяных, за дураков), твердят “модернизация”, “модернизация”, что мы сами уже начинаем принимать эти заклинания за полтину, и, стало быть, готовы переделываться из трудящихся в шинкарей. Игроки в полтину полагают, что все дело в технологии, компьютеризации, инновациях, финансовых операциях, конкурентоспособности – решительно во всем, даже в культуре. Все это и должно, по-ихнему, определять самосознание, мироощущение русского человека, менять его “архаичную, отсталую” психологию на “современную, цивилизованную”, менять сам тип мышления, сам образ жизни народа. Одним словом, сделать иным “человеческий материал”; приспособить его к “современному стандарту” – конечно же, американскому.

Но вот что писал Юрий Самарин: “Вера несравненно глубже прохватывает всю внутреннюю жизнь человека, чем, например, его политико-экономические убеждения, и гораздо сильнее воздействует на его сознание о себе самом и об отношениях его к ближним, в пределах семьи, общества и государства. Эти, так сказать, жизненные выводы из вероучения переходят в быт,

обращаются в предания, проникают в плоть и кровь народа, делаются как бы нравственной атмосферой его, которой он дышит, которая сопровождает его повсюду” (Юрий Самарин. “Православие и народность”. М., Институт русской цивилизации, 2008, с. 345).

Такой верой для нас, русских, является православие, от него-то подспудно и заставляют нас отказаться, отречься от того, что составляет основу нашего русского национального характера — от богоданной нам веры, которая несовместима с торжествующим в стране культом маммоны, от той веры, без которой не было бы нашей великой культуры, нашего великого, уникального в братстве народов государства.

Православная вера — оплот “нашего русского сопротивления” (Олег Платонов) тем силам, которые угрожают нам денационализацией, убийством исторической жизни народа.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации:

БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОГО НАРОДА “СВЯТАЯ РУСЬ” (в 30-ти томах)

Главный редактор О. А. Платонов

Вышло 12 томов:

Русская цивилизация
Русское Православие (в трех томах)
Русское государство
Русский патриотизм
Русское мировоззрение
Русский образ жизни
Русское хозяйство
Русская литература
Русская икона и религиозная живопись (в двух томах)

СЕРИЯ “РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ”

Митрополит Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев А. п. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Святитель Филарет, митрополит Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская панславизма, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход — твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.

Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.

СЕРИЯ “РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ”

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста “Близ есть при дверех...”, 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России, 1344 с.

СЕРИЯ “ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ”

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.

СЕРИЯ “ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ”

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.